

УДК 82: 821.512.145

*М.И. Ибрагимов***НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТЕОРИЯ АВТОРА****(на примере книги стихов Г. Тукая «Пища души»)***

Показан научный потенциал теории автора в исследовании национальной идентичности в литературе. Установлены формы выражения авторского сознания и определено содержание национальной идентификации в книге стихов Г. Тукая «Пища души».

Ключевые слова: автор, идентичность национальная, Г. Тукай, лирика, татарская поэзия.

Понятие «национальная идентичность» в последние два десятилетия прочно обосновалось в тезаурусе гуманитариев, потеснив привычные «национальное своеобразие», «национальные особенности». Литературоведение не отстает от научной моды, хотя по сравнению с социологией или психологией термин «национальная идентичность» используется учеными-литературоведами реже. Сфера его употребления – литературная компаративистика, предметом которой является, в том числе «национальное» в литературе. Среди большого количества работ, посвященных идентичности отдельных национальных литератур, мало теоретических исследований, ориентированных на установление литературоведческого объема понятия «национальная идентичность» и методов ее изучения [1; 2]. Определение объема понятия «национальная идентичность» остается актуальной для компаративистики проблемой.

«Идентичность» – философское понятие. В европейской философии, начиная от античности и заканчивая современными феноменологическими и постструктуралистскими теориями, предлагались различные концепции идентичности. В постклассической философии XX в. возобладало осмысление идентичности в связи с проблемой личности.

Так, Ю. Хабермас пишет об идентичности как своего рода перформансе, приводя в качестве примера творчество Жан-Жака Руссо. Суть перформативного понимания индивидуальности заключается в «этическом самоутверждении ответственной личности»: «Индивидуальная личность проецирует себя в рамках интересубъективного горизонта жизненного мира в качестве кого-то, кто *ручается* за более или менее четко намеченную непрерывность более или менее сознательно освоенной истории жизни... Короче говоря, смысл “индивидуальности” следует объяснять с помощью этического самопонимания первых лиц по отношению ко вторым лицам. Только та личность, которая знает, что она есть и чем желает быть – *vis-à-vis* к себе самой и другим, – может обладать понятием индивидуальности, указывающим выход за пределы просто единичности» [3].

С перформативным пониманием идентичности Хабермаса имеет точки схождения концепция «нарративной идентичности» П. Рикера, разграничивающего «самотождественность» (*idem*) и «самость» (*ipse*). «Самотождественность», по Рикеру, проявляется в характере, «самость» – в «сдержанном слове». «В этой *верности своему слову*, – пишет французский философ, – я усматриваю эмблематическую фигуру идентичности, полярно противоположную фигуре характера. Сдержанное слово говорит о *сохранении* «Я», которое, в отличие от характера, невозможно вписать в измерение чего-либо вообще, но можно вписать лишь в измерение *кто?*» [4].

В этой же плоскости и суждения М. Бахтина об ответственности в искусстве: «Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг в друга в единстве вины и ответственности» [5].

К числу литературоведческих понятий, наиболее релевантных постклассическому философскому пониманию идентичности в аспекте проблемы личности, относится «автор». Именно в авторе как «носителе концепции всего произведения» (Б. Корман) проявляется идентичность, в том числе и национальная. Исследование форм выражения авторского сознания, точки зрения открывает путь изучения идентичности в собственно-литературоведческих категориях. В этой связи интересным представляется опыт построения типологии субъектных форм авторского сознания в книге Т.Л. Влащенко «Литература как форма авторского сознания» [6]. Исследовательница, основываясь на кормановской типологии, выделяет исторические субъектные формы: «Я» частного человека, «Я», «мы»

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-14-16002 а(р).

народа, «Я» литератора. Представляется, что в их числе может быть указана и такая форма как «Я/мы нации». Рассмотрим, как может быть выражена такая форма авторского сознания на примере сборника стихов Г. Тукая «Пища души» (1912).

«Пища души» – последний прижизненный поэтический сборник татарского поэта, в который вошли стихотворения, написанные в 1911 – 1912 гг. Книга объединяет стихи на различные темы: безнадёжность, духовный и творческий кризис («Трудная доля», «Просьба»), вера («Ночь предопределения», «Обращение дьявола к нечистой силе в месяц рамазан», «Религия и народ»), нравственность («Безнравственность», «Лицемеру»), любовь («Комментарий к любви»), жизнь страны и общества («Осенние ветры», «Казань и Закабанье»), просвещение («Деревенское медресе», «Светлой памяти Хусаина», «Больной в деревне», «Картофель и просвещение», «Казань и Закабанье»), противостояние обществу («Враги», «Иду своим путем»), творчество («Вечерняя дума», «Пушкин и я»), детство («Пора, вспоминаемая с грустью»). Разнообразны и субъектные формы выражения авторского сознания: автор-повествователь («Осенние ветры», «Казань и Закабанье», «Религия и народ», «Деревенское медресе»), ролевая лирика («Обращение дьявола к нечистой силе во время месяца рамазан»), лирический герой («Трудная доля», «Враги», «Иду своим путем», «Вечерняя дума», «Пушкин и я», «Пора, вспоминаемая с грустью»)¹.

В стихотворениях с лирическим героем автор – больной человек («Больной в деревне»), близкий к отчаянию («Трудная доля»), не находящий сил противостоять несправедливости и злу («Просьба»), но одновременно презирающий своих врагов и лицемеров («Враги», «Лицемеру»), ищущий смысл жизни в творчестве («Вечерняя дума»), преодолевающий мелочность жизни («Иду своим путем»).

Стихотворения с другими субъектными формами дополняют этот образ. Так, в произведениях «Казань и Закабанье», «Религия и народ» автор – поборник просвещения, противник низведения веры до показушной обрядовости. Одновременно в стихотворении «Ночь Предопределения» он носитель религиозного сознания, причем выражаемого через «мы». В ролевом стихотворении «Обращение дьявола к нечистой силе во время месяца рамазан» – человек, взывающий к совести соплеменников, погрязших в грехах, а в вольном переводе стихотворения К. Бальмонта «Грех» – человек, утверждающий идею свободы чувства.

Весьма сложно в этой тематической и субъектной множественности установить системные отношения между стихотворениями. Примечательно в этой связи, что один из авторитетных критиков и деятелей татарской культуры начала XX в. Д. Валиди писал о неприменимости к творчеству Тукая понятия системы, рассматриваемой как некое целостное мировоззрение, но, одновременно, – об идейной доминанте поэзии Тукая, определяя ее как «противостояние нравственным и общественным порокам и несправедливости» [8].

В работе «Лирика Некрасова» Б. Корман выделяет три фактора целостности творчества поэта: сквозную проблематику, народный характер, основной эмоциональный тон. Рассматривая с этих позиций книгу Г. Тукая, нельзя не согласиться с точкой зрения Д. Валиди, учитывающей все творчество поэта. Противостояние нравственным и общественным порокам – таков пафос поэзии Тукая в целом и сборника «Пища души», в частности. Он по-разному проявляется в стихах книги. В «Трудной доле» – это исполненные отчаяния сетования на жизнь, в «Ночи Предопределения» – возвышенное, сопряженное с идеей очищения переживание религиозного единения, в «Обращении дьявола к нечистой силе в месяц рамазан» – сатирическое изобличение нравственного порока, в «Деревенском медресе» – отсталости сельских школ, в «Памяти Хусаина» – возвеличивание личности, посвятившей себя служению нации.

Сквозной проблематикой книги становится просвещение, причем, если в начальный период творчества Тукая просвещение соотносилось преимущественно с образованием, знаниями, то в «Пище души» речь идет не только об образовании ума, но в первую очередь о нравственном просвещении. Отсюда и обращение к личности Л. Толстого в стихотворении «Мысль Толстого», в котором поднимается проблема личной свободы человека. Наконец, обратимся к тому, что непосредственно связано с темой данной статьи – к национальной идентичности.

В советском тукаеведении с 1920-х гг. возобладала оценка Г. Тукая как народного поэта. «Народность» стала основополагающим для понимания идентичности татарского поэта концептом, заменив «национальность» [9], причем слово «народ» применительно к творчеству Тукая неизменно приобретало социальный смысл: под народом подразумевались «народные массы» (крестьяне, ремес-

¹ Названия стихотворений даны в переводах по изданию [7].

ленники, шакирды и пр.). Между тем само понятие «народ» у Тукая не имеет столь очевидно выраженного социального значения: оно – результат идеологического подхода к творчеству поэта. Вопрос этот нуждается в систематическом изучении с учетом контекста: тех смыслов, которыми в татарской культуре начала XX в. (критике, публицистике, литературе) наделяются понятия «народ», «нация». Здесь же ограничимся суждением о том, что в творчестве Тукая (стихотворениях, статьях) встречаются оба понятия – «народ» и «нация». Так, в стихотворении «Враги», создавая образ затравленного недругами человека, поэт выражает свое отношение к ним:

*Иль в сиротской доле мало испытать пришлось невзгод?
Кто растил меня с любовью? Только ты, родной народ²*

(Пер. С. Ботвинника)

Здесь лирический герой позиционирует себя как сына нации: сирота, много претерпевший в этой жизни, только со стороны нации он ощутил доброе отношение.

В сатирическом стихотворении «Обращение дьявола к нечистой силе в месяц рамазан» автор взывает к совести татар:

*Говорят «Шайтан совратил!»
Говорят «С пути нас сбил!»
Упрямый татарин, прежде всего
Примиришь с совестью!*

(Подстр. перевод наш. – М.И.)

В стихотворениях «Иду своим путем», «Больной в деревне», Тукай использует слово «народ»:

*Ты хочешь в меру сил своих добро творить народу,
Но душат грязною уздой твой ум, твою свободу.*

(Пер. Р. Морана)

В этих примерах нация, народ выступают как объект ценностного отношения, выражаемого прямооценочной точкой зрения. Во «Врагах» – это положительная оценка (в ее основе интимное сравнение нации с заботливой матерью), в «Обращении дьявола к нечистой силе в месяц рамазан» – отрицательная («кире татар» – досл. «упрямый татарин»). В то же время следует говорить о единой ценностной позиции автора, определяющей его отношение к нации, народу и чрезвычайно значимой для понимания сущности его сознания. С одной стороны, она содержит представление о значимости просвещения для народа («Казань и Заказанье», «Картофель и просвещение», «Деревенское медресе»), характерное для творчества Тукая в целом. С другой, нравственные императивы, связанные с представлением об истинном: истинной вере («Религия и народ», «Обращение дьявола к нечистой силе в месяц рамазан»), дружбе («Лицемеру»), творчестве («О критике»). Автор в книге Г. Тукая выступает как человек с обостренным чувством правды, остро переживающий любые проявления фальши в окружающем мире и выступающий против них. Эти переживания выражаются не только через оппозицию субъекта и объекта, но и посредством «мы», когда автор предстает как часть общности (нации, народа). Так, стихотворение «Светлой памяти Хусаина» завершается риторическим и эмоциональным обращением:

*Да разве можем при жизни достойным должное воздать,
Пока, чтоб с нами объясниться, бедняга просто не умрёт?!*

(Пер. В. Думаевой-Валиевой)

В стихотворении «Безнравственность» выражена идея упадка нравственности:

*На мораль глядеть всё больше привыкаем свысока,
Жизнь, погрязшая в пороках, от морали далека.*

(Пер. В. Думаевой-Валиевой)

Примером поэтического многоголосия в «Пище души» является стихотворение «Осенние ветры». Стихотворение написано в связи с голодом в Среднем Поволжье в 1910 – 1911 гг. Эпиграфом к нему поэт взял строки из стихотворения А. Майкова, включенного в поэтический цикл «Из Аполлодора-гностика»:

² Слово «миллэт» (нация) переведено здесь как «народ».

*Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе бог...*

У Тукая в качестве эпиграфа – переведенные на татарский язык две последние строки этого стихотворения³. Образный строй эпиграфа (ночь, звезды, бог) создает возвышенный эмоциональный тон, соответствующий мотиву связи человека с богом, но, одновременно, содержит оттенок трагического (слова Майкова «чем глубже скорбь» переводятся татарским поэтом как «бэхтем кара булган саен» (досл. «чем чернее мое счастье»), и, таким образом, эпитет «кара» (черный, темный) дважды повторяется в эпиграфе). Этот возвышенно-трагический эмоциональный тон соответствует содержанию стихотворения – трагедии народа. Изображая ее, Тукай использует прием поэтического многоголосия: в стихотворении выделены точки зрения различных героев (молодой девушки, Азраила, Ибрагима и Исмагила). Включение в этот ряд персонажей исламской мифологии усиливает высокое переживание трагического. В то же время все эти голоса объединены плачем – основным мотивом стихотворения. Этот плач объединяет весь народ (слово «ил» (страна) выступает в данном случае именно в таком значении), что позволяет говорить об эпичности стихотворения.

Автор выступает здесь как человек, сопричастный этой всеобщей трагедии, не могущий оставаться равнодушным к ней (отсюда – мотив бессонницы, которым открывается стихотворение). Его сознание объемлет страдание всего народа, что передается посредством образа осеннего ветра, в завывании которого автор слышит голоса страждущих соплеменников.

Итак, в книге Г. Тукая «Пища души» представлены различные формы субъектной организации (собственно автор, лирический герой, ролевая лирика, многоголосие), но при этом можно говорить о едином образе автора, сознание которого определяется ценностными ориентациями, включающими в себя отношение к нации, народу. Нация (народ) не только объект отношения (в том числе, и критического), но и объект авторских идентификаций, различных по своему характеру: во «Врагах» национальная идентификация строится по архетипической модели «мать – дитя (сын)», в «Светлой памяти Хусаина», «Безнравственности» – как критическое со-переживание негативных проявлений национальной жизни, в «Осенних ветрах» – со-бытие автора и народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004.
2. Султанов К. От дома к миру: этнонациональная идентичность и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007.
3. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопр. философии. 1989. № 2. С. 38.
4. Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной лит., 2008 (Французская философия XX века). С. 153.
5. Бахтин М. Искусство и ответственность // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 7-8.
6. Власенко Т.Л. Литература как форма авторского сознания: пособие для студентов филологических факультетов. 2-е изд., доп. Ижевск, 1998. 230 с.
7. Тукай Г. Избранное: Стихи и поэмы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. 192 с.
8. Валиди Д. Татарские поэты // Джамал Валиди: литературный и историко-документальный сборник. Казань: Джиен, 2010. С. 264-265.
9. Фридерих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. С. 290-303.

Поступила в редакцию 15.10.13

³ А. Майков – один из русских поэтов (наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Кольцовым, Плещеевым), к творчеству которого Тукай обращался в своих переводах-переложениях. В анализируемом здесь сборнике есть стихотворение «Три правды», представляющее собой поэтическое переложение одноименного произведения А. Майкова, источником для написания которого явились «Три правды» персидского поэта Джалялетдина Руми, включенные в его известное «Месневи».

*M.I. Ibragimov***National identity and the theory of the author**

The article deals with the consideration of the scientific potential of the author's theory in the research of national identity in literature. Forms of expression of the author's consciousness in the book of verses by G. Tukay «Food of soul» are established. The maintenance of national identification is defined.

Keywords: the author, national identity, G. Tukay, lyrics, the Tatar poetry.

Ибрагимов Марсель Ильдарович,
кандидат филологических наук, доцент
ФГАУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2
E-mail: mibragimov1000@mail.ru

Ibragimov M.I.,
candidate of philology, associate professor
Kazan Federal University
420021, Russia, Kazan, Tatarstan st., 2
E-mail: mibragimov1000@mail.ru